

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ РАННИХ РАБОТ К. МАРКСА

АННА ДОМОНКОШ

В марксистской литературе господствует крайняя пестрота в оценке политической позиции молодого К. Маркса, политического содержания его ранних работ. Обычно существует единогласие в том, что первые произведения К. Маркса (а также и Ф. Энгельса¹) объективно отражают буржуазную классовую позицию. Однако это слишком общее положение, поэтому все авторы стремятся точнее определить место К. Маркса среди различных буржуазных политических течений. Здесь уже можно встретиться с разными точками зрения, больше того, спорами.

Большинство марксологов (например, Т. Ойзерман, Г. Менде, О. Фингер, В. Шнейдер, Р. Меркел, Б. Чагин, В. Тухшерер, авторы «Биографии К. Маркса и Ф. Энгельса² и др.) с самого начала придают ранним произведениям Маркса: *революционно-демократическое* содержание. Ойзерман, например, пишет следующее: «Маркс и Энгельс с самого начала своего участия в младеггелянском движении выступают как *революционные демократы*»³ (подчёркнуто мной — А. Д.).

Некоторые из этих авторов оценивают изменение политических взглядов Маркса в крайнем случае как эволюцию в сторону коммунизма уже в период сотрудничества в «Рейнской газете». Например, по мнению Шнейдера, «уже в 'Рейнской газете' началась эволюция Маркса от революционного демократизма в направлении коммунизма».⁴ Тухшерер пишет так: «Маркс начал переходить от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму во время редактирования 'Рейнской газеты'».⁵

На основании одного утверждения Ойзермана можно было бы думать, что приведённое выше положение относится лишь к работам Маркса, появившимся в 1842 г.: «В своих первых публицистических произведениях, — пишет Ойзерман, — Маркс и Энгельс выступают как революционные демократы».⁶ Однако затем выясняется, что, по его мнению, уже написанная в 1840 г. докторская диссертация показывает, что Маркс «занимает в младеггелянском движении особое положение, что объясняется не только его *революционно-демократической позицией* (подчёркнуто мной — А. Д.), но и более глубоким пониманием отношения самосознание — бытие».⁷

Несколько тоньше подходит к этой проблеме Н. Лапин, который охарактеризовал докторскую диссертацию Маркса как философскую провозвестницу «его революционно-демократических воззрений, теоретиче-

ской подготовкой его практической деятельности как революционного демократа»⁸. Но и Лапин считает, что на рубеже 1841—42 гг. закончилось формирование революционно-демократических воззрений Маркса.⁹

Другую крайность представляет мнение А. Корню,¹⁰ который в большинстве случаев пользуется для характеристики политической позиции Маркса и Энгельса в 1840—42 гг. определением «либеральная», за что его справедливо критиковал Ойзерман.¹¹ Правда, к определению «либеральная» Корню почти всегда добавляет определение «демократическая», желая, видимо, указать на своеобразную позицию Маркса и Энгельса внутри либерального оппозиционного движения. Однако из-за того, что Корню крайне эклектично смешивает при употреблении понятия «политический радикализм», «демократический радикализм», «радикальный демократ», больше того, «революционный демократ»,¹² не определяя их содержание и отношение друг к другу, ему в итоге не удалось очертить своеобразие политической позиции Маркса и Энгельса.

Смешение терминов характеризует и работу Дьёрдя Лукача «О философском развитии молодого Маркса (1840—1844)», в которой автор использует в качестве синонимов понятия «революционный демократ», «политически радикальный демократизм», «радикальный демократ» и «решительный якобинец».¹³ Несмотря на терминологическую неточность, как в монографии Корню, так и в работе Лукача чувствуется радикализация политических воззрений Маркса ещё на буржуазной почве в начале 40-х годов.

Таким образом, разница во мнениях отчасти вытекает из терминологической путаницы. На непоследовательное употребление понятий у Корню обратил внимание и Ойзерман, но в то же время и он не уточнил их — за исключением «революционного демократизма» — в отношении Маркса, Энгельса и современных им политических течений. В своей книге Ойзерман называет революционными демократами, например, не только Маркса и Энгельса, но и их идейных сподвижников, предполагая наличие в 1841—42 гг. в Германии «революционно-демократического лагеря», «самыми блестящими и последовательными представителями» которого были Маркс и Энгельс.¹⁴ В другом месте этой же книги он сам же называет радикальным¹⁵ движение младогегельянцев, не давая при этом более подробного определения радикализма — не указывая, например, чем отличается либерализм от революционного демократизма.

В упомянутых произведениях основную проблему я вижу в том, что не уделяется достаточного внимания характеристике среди политических течений вступившей в борьбу с феодализмом буржуазии идеологических группировок, занявших в действительности место между либерализмом и революционным демократизмом; таким образом, для определения ранних политических взглядов Маркса и Энгельса напрашивается или одна или другая крайность.

Более дифференцировано, наведя некоторый порядок в употреблении понятий подошёл к проблеме Аттила Аг, характеризовавший политические взгляды молодого Маркса как позицию *радикального демократа*, принимающего участие в либеральном оппозиционном движении.¹⁶ Да-

лее, Аттила Аг отмечает, что революционный демократизм Маркса сложился лишь постепенно, в период сотрудничества в «Рейнской газете». Однако поскольку Аттила Аг, по его собственным словам, «не занимается подробно историко-политическим исследованием той эпохи, в том числе политической биографией Маркса»,¹⁷ ему пришлось довольствоваться крайне общим, понятийным определением политических течений.

* * *

Ниже мы попытаемся интерпретировать эти понятия в отношении данной эпохи, Европы 30-х — 40-х гг., ещё точнее: в отношении Германии того времени.

В оценке содержания *либерализма* — кажется — нет существенных расхождений между упомянутыми выше авторами. Это выражающая интересы крупной буржуазии и обуржуазивающегося дворянства идеология, представители которой стремятся добиться уничтожения феодализма, по возможности, сверху, с помощью реформ. В политической области либерализм провозглашает свободу личности, в экономической жизни — свободную конкуренцию. Его политический идеал — конституционная монархия, в классическом виде намеченная французской конституцией 1791 г., и парламентарная система, основанная на имущественном цензе. Исторически либерализм играет прогрессивную роль до тех пор, пока не удаётся добиться и упрочить предусмотренную им политическую систему. В начале 30-х гг. это происходит во Франции, Англии и Бельгии. Начиная с этого времени, либерализм отказывается от своей оппозиционной роли, превращается в «приличное» направление правящей партии, отворачивается от прежних союзников, в первую очередь от пробуждающегося рабочего движения. С этого момента обосновано использование понятия «умеренный либерализм». Хорошо иллюстрируют этот поворот либерализма следующие слова Гизо (характерного представителя политической оппозиции эпохи реставрации, премьер-министра июльской монархии): «Нет больше справедливого основания и благовидного предлога для тех принципов и для тех страстей, которые так долго были написаны на знамени демократии. То, что прежде было демократией, сейчас означало бы анархию; дух демократии сегодня не что иное, как дух революции».¹⁸ Либералы и раньше не были сторонниками активного выступления народных масс, теперь же прямо были в ужасе от него.

Либералы стран, лежащих к востоку от Рейна, в 30-х — 40-х годах прошлого века могли лишь мечтать о той политической системе, которую осуществили служившие им примером западные идейные собратья, о конституционной монархии. Особенность немецкого либерализма состоит в том, что его представители требовали не свободной конкуренции, характерного требования классического либерализма, а введения покровительственных пошлин и были готовы в обмен на подобные уступки вступить в соглашение с реакционным правительством и отказаться от своих политических требований. Этот фактор сделал немецкую крупную буржуазию непоследовательной и стремящейся к решениям сверху ещё

в тот период (30-е годы), когда совсем или почти совсем не существует угрозы снизу, со стороны складывающегося пролетариата. В 40-х гг. восстания и возникновение организаций рабочих лишь стимулировали готовность либеральной буржуазии к компромиссу. Эту группу буржуазии представляют такие имена, как экономист Фридрих Лист — выражаясь словами Корню, «поборник Таможенного союза»¹⁹ —, требовавший в своей работе «Национальная система политической экономии» охранительных пошлин, протекционистской системы против конкуренции английских товаров; или предприниматели Кампгаузен и Ханземан, которые позднее, будучи выброшены на поверхность берлинской революцией 1848 г., оказались во главе буржуазного правительства. Эта группа либеральных предпринимателей основала в Кёльне в качестве рупора своих интересов «Рейнскую газету» (полное название: «Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»), руководство которой, однако, всё явственнее выскальзывало из их рук с подключением к работе радикальных демократов младогегельянцев.

Радикальными демократами первоначально называли якобинцев Великой французской буржуазной революции, мелкую буржуазию, двигающую вперёд буржуазную революцию «плебейским способом».²⁰ В политическом отношении они сторонники демократической республики, которой, однако, необходимо стремиться к решению определённых социальных проблем и защите бедняков. Их социально-политические взгляды отражает якобинская конституция 1793 г. (которую Маркс в 1843 г. назвал самой радикальной конституцией эпохи²¹). Якобинцы революции, несмотря на известные внутренние разногласия, в одном существенном вопросе они были единодушны: для осуществления своих политических идеалов они считали совершенно необходимым вооружённую революционную борьбу, активное выступление самых низших слоёв народа.

Радикалы, действовавшие после июльской революции 1830 г., считали себя наследниками якобинцев, по социальному составу они представляли гетерогенный слой общества, располагавшийся между крупной буржуазией и пролетариатом: мелкую буржуазию, часть новых владельцев предприятий (промышленной буржуазии), обедневшее и недовольное дворянство, интеллигенцию, принадлежащую к среднему классу, студентов и т. д. Движение вправо бывших союзников, либералов, рабочее движение, сложившееся под влиянием промышленной революции, и идея «социальной революции», которая, хотя и пока с утопистским привкусом, но всё шире распространялась, разделили лагерь радикальных демократов. *Правое крыло радикалов* всё в меньшей степени осмеливалось опираться при достижении своих целей на народное движение снизу, всё сильнее приближалось к либеральному политическому образу мышления, к решениям сверху, путём реформ.

В свою очередь, *левое крыло радикалов* постепенно ориентируется в направлении социально-критических идей и рождающегося рабочего движения (примером может служить сотрудничество части английских радикалов с чартистами в начале 30-х гг.). В странах Средней и Восточ-

ной Европы оно рассчитывало на широкое восстание составляющих большинство населения и страдающих от феодальных повинностей крестьян, было сторонником демократической революции, которая должна быть осуществлена насильственным путём. Хобсбоум замечает, что эти «ультралевые» радикалы — хотя у них и можно заметить влияние рождающихся социалистических идей — в отличие от большинства утопических направлений были не только критиками общества, но и политическими революционерами.²² По моему мнению, их можно назвать *революционными демократами* 30-х—40-х гг. прошлого столетия. Ойзерман характеризует это направление следующим образом: «Революционные демократы, как идеологи широких трудящихся масс, в отличие от либералов (и в известной мере также радикалов) не боятся революционных методов осуществления буржуазно-демократических задач и, хотя они нередко разделяют массу иллюзий относительно последствий буржуазных преобразований, решительно отвергают путь реформ, компромиссов с реакционными феодальными силами, стремясь довести до конца буржуазную революцию».²³ Стоит обратить внимание на то, что Хобсбоум использует выражение «революционный демократ» только для обобщённого обозначения «обладавших блестящими способностями русских революционных демократов 40-х годов»²⁴ в главе «Искусство» своей книги. Упомянутые выше две группы восточно-европейских радикалов он называет «демократами» или «крайними левыми». К первой группе он причисляет членов «Польского демократического общества», в Венгрии — Кошута и его последователей, далее — итальянских мадзинистов. Во второй группе конкретно упоминаются лишь приверженцы Краковской республики (1846) и южно-итальянские карбонарии,²⁵ но на основании характеристики содержания ясно, что сюда же можно отнести венгерских (Танчич, Петёфи, Вашвари, Хорарик), а также русских (Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и т.д.) революционных демократов. Между прочим, с точки зрения терминологии более удачно выражение «революционный демократизм», нежели «крайний левый», поскольку оно более точно отражает демократический народный характер этого направления и его стремление к революционным средствам.²⁶ Однако в западно-европейской исторической литературе это понятие — кажется — менее распространено, видимо, потому, что не существовало или едва существовало само явление: после июльской революции 1830 г. быть последовательно революционным, открыть путь насильственному выступлению народа и в то же время оставаться на почве буржуазности — исторический абсурд, анахронизм. Но насколько абсурдно это было на развитом Западе, настолько естественно в большинстве стран Восточной Европы, где за отсутствием рабочего социального базиса именно это направление представляло самую крайнюю революционность. В идейном мире этих мыслителей реальностью было буржуазно-демократическое содержание, а социалистические воззрения, за неимением экономических и социальных предпосылок — неизбежно являлись утопическими. Поскольку в этих странах требования угнетённых масс также не сошли с буржуазно-демократической почвы, революционные демок-

раты, как и якобинцы французской революции, могли быть сторонниками идущей снизу насильственной народной революции, не чувствуя угрозы своему существованию, своей экзистенции.

В свою очередь Германия находилась в своеобразном промежуточном положении: её социально-экономическое развитие задержалось по сравнению с Западной Европой, однако по сравнению со странами Восточной Европы в ней имелась относительно крепкая буржуазия, богатейшая и, следовательно, влиятельнейшая в отношении своей политической потенции группа которой — как мы уже отмечали — сильно склонялась к компромиссу, была настроена либерально.

Своеобразную отсталость немецкого общества Маркс отметил уже в 1844 г. «... каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлечённым в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской, бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетарий уже начинает борьбу против буржуа. Буржуазия не дерзает ещё сформулировать, со своей точки зрения, мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также и прогресс политической теории объявляет уже самую эту точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной».²⁷

В этих условиях последовательный якобинизм — чрезвычайно редкое явление, уже перед буржуазной революцией становится анахронизмом.

В 1851 г. Энгельс писал о предреволюционной Германии: «В Германии не было в то время особой республиканской партии. Немцы были либо конституционными монархистами (то есть либералами — А. Д.) либо более или менее ясно определившимися социалистами и коммунистами».²⁸

Однако это положение — результат определённого процесса, ведь, как мы увидим в дальнейшем, наиболее прогрессивные мыслители 30-х гг., преодолев либерализм, ориентировались в сторону более радикальных взглядов.²⁹ Однако, вследствие своеобразия немецкого развития, любая политическая акция оппозиции, не пользующаяся поддержкой либеральной буржуазии, с самого начала обречена на провал. Немецкая мелкая буржуазия, которая в принципе является социальной базой радикализма, слишком сильно связана с феодальной, бюрократической системой или — под влиянием собственной расплывчатости, всеобщей нехватки капиталов и появления идей, угрожающих частной собственности, а также под влиянием начинающих выступлений рабочих — спасается под защиту буржуазии.³⁰ Поэтому, за отсутствием эффективной социальной базы, немецкий радикализм на рубеже 30-х и 40-х гг. заявляет о себе не на практике, а в теории, в философском или литературном облачении, и верно отражает ту расплывчатость, которая характеризует всё немецкое общество и особенно мелкую буржуазию. У него нет чёткой концепции ни в области философии, ни в области политики; мыслители, провозглашающие радикальные идеи, находятся в состоянии постоянного духовного брожения, поиска политического пути: tradi-

ционные ценности разрушились, а новые ещё не сложились.³¹ В этом духовном кипении часть радикальных мыслителей, чувствуя невозможность якобинства и испугавшись репрессийных мер реакционных правительств, а также новых идей, проповедующих насилие, отступает к либерализму. Те же, кто отвергает либеральную позицию «золотой середины» с нравственной позиции абстрактного гуманизма, но не приходит к рабочему движению, к середине 40-х гг. закономерно попадают в тупик.

Таким тупиком, как увидим, стали субъективно-идеалистическая враждебность народным массам младогегельянцев Бруно и Эдгара Бауэра, эгоистический анархизм Макса Штирнера, а также наиболее многочисленное немецкое мелкобуржуазное направление, истинный социализм (его наиболее известные представители — Карл Грюн, Карл Хейнцен и бывших младогегельянцев Мозес Гесс).

Лишь немногие из радикалов в Германии доходят до последовательного революционного демократизма.

Среди непосредственных предшественников Маркса Ойзерман упоминает как о «наиболее выдающемся представителе революционно-демократической идеологии» о республиканце драматурге Георге Бюхнере. С этим мы полностью согласны. Бюхнер действительно был революционером не только на словах, но и на деле: в 1834 г. он вместе с пастором Вейдигом организовал крестьянское восстание в Гессене.³² Его революционно-демократические взгляды и одновременно критику младогерманского радикализма отражает письмо к Гуцкову, написанное в 1836 г.: «Вы и Ваши друзья, по-моему, выбрали не самый разумный путь. Реформировать общество с помощью мысли, опираясь на образованный класс? Невозможно! Наша эпоха чисто материальная; если бы Вы непосредственно занимались политикой, то скоро очутились бы у того пункта, где реформа сама собой откажется служить. Никогда не удастся преодолеть пропасть между образованным и необразованным обществом.

Я убедился в том, что образованное и состоятельное меньшинство, каких бы уступок оно ни желало от власти, всегда остаётся в напряжённых отношениях с большим классом. В социальных вопросах, думается, нужно исходить из абсолютного правового принципа, нужно стараться создать в народе новую духовную жизнь и послать к дьяволу отжившее современное общество».³³

Во второй половине 30-х гг. мы встречаемся в Германии с другими многочисленными оттенками радикализма. Часто отдельные лица или узкие группки представляют отдельные направления, которые далеко не статичны, а в зависимости от конкретной ситуации радикализируются или либерализируются.

Среди немецких радикалов 30-х гг. прежде всего заслуживают упоминания имена Людвиг Бёрне и Генриха Гейне, которые после июльской революции ещё ставят в пример Германии либеральную Францию, но за время своей парижской эмиграции всё больше сдвигаются влево. Бёрне в ноябре 1830 г. ещё с явным признанием говорил о распоряжениях гражданского королевства в защиту искусства и науки, с завистью писал

о ставших министрами историках Тьере и Минье.³⁴ Он ещё сторонник конституционной монархии, конституцию, как форму государства готов признать лишь из тактических соображений.³⁵ Однако под влиянием непосредственных впечатлений Бёрне с необыкновенной прозорливостью заметил, что плодами июльской революции пользуются землевладельцы, богатые банкиры и торговцы, которые «хотят создать новую аристократию, аристократию денег, сословие авантюристов».³⁶ Хотя Бёрне заметно сторонится насилия, ему приходится признать, что «ни один король не подарит свободы, ... если народ желает её, он должен завоевать её силой».³⁷

На личности Бёрне стоит задержаться потому, что он является типичным примером мелкобуржуазного радикального революционера, который уже чувствует, догадывается, что попытка решения социальных проблем на буржуазной почве (то есть на почве частной собственности) останется бесплодной, но не хочет этому верить, ногтями и зубами (точнее в данном случае — пером) сражается не только против абсолютизма, но и против выводов из указанной выше догадки. Он напоминает о страшной борьбе бедных против богатых,³⁸ которой можно избежать, если правительства переменят политику, если избирательное право не будет связано с собственностью, если введет республику или хотя бы республиканские учреждения. Мы не могли бы точнее охарактеризовать положение позднего радикального мелкого буржуа, чем это сделал Бёрне, охарактеризовав самого себя: «Моё несчастье в том, что я вышел из среднего класса, к которому совершенно не подхожу. Если бы мой отец был миллионером или нищим, если бы я был сыном вельможи или бродяги, из меня наверняка вышел бы толк. Преимущество в полдороги, которое получили другие благодаря своему рождению, привели меня в уныние. Если бы у них было преимущество в целую дорогу, я бы не заметил этого и догнал бы их. Но так я — маятник буржуазных настенных часов; я качался вправо, качался влево и всегда должен был вернуться к середине».³⁹ Между прочим, Бёрне к концу жизни (он умер в 1837 г.) симпатизировал взглядам христианского социалиста Ламмениса, что вызвало резкую критику Гейне: «Может быть, Бёрне повезло, что он умер... Если бы его не спасла смерть, сегодня его осенял бы римский католический срам», — писал Гейне в 1839 г.⁴⁰

Между прочим, Гейне оставляет позади радикализм Бёрне: разочаровывается не только в либерализме июльской монархии, но и в гремящим революционными фразами, но едва отваживающемся на действие радикализме.⁴¹ В 1839 г. он писал о революционной роли народных масс: «С незапамятных времён народ истекал кровью и страдал не за себя, а за других. В июле 1830 г. победу одержала буржуазия, такая же ничтожная и эгоистичная, как и дворянство, на место которого она вступила... Народу победа принесла только траур и ещё больший голод. Но будьте уверены: если ещё раз ударят в набат, и народ возьмётся за оружие, он будет сражаться уже за себя и потребует себе полностью заслуженную награду.»⁴² Гейне, подобно его современникам социалистам, приходит к выводу о необходимости «социальной революции». В 40-х гг.

он был близок к рабочему движению, стал другом Маркса, хотя и не смог в полной мере принять его взгляды.

Политические настроения Гейне очень удачно характеризовал Дьёрдь Лукач: «Гейне — последний великий поэт буржуазии, который объединяет в себе все тенденции буржуазного развития в попытке создания некой единой и всеобъемлющей картины мира, в котором ещё живо воспоминание о том, в чём состоят обязанности буржуазной интеллигенции как руководящего слоя революционного движения всего общества. Эти тенденции неизбежно приводят Гейне к признанию в коммунизме триумфатора будущего. Однако ему не хватает сил, несмотря на всю отчаянную критику, окончательно оторваться от класса буржуазии и пустить конкретные и жизнеспособные корни в пролетарской почве. Тем самым с объективной закономерностью возникло свободное пространство для его колебаний, и в этом пространстве Гейне сообразно с ходом революционного развития двигается между крайностями восторженного оптимизма и безутешного отчаяния».⁴³

В 30-х годах как Бёрне, так и Гейне были связаны с литературными представителями радикальной буржуазии, членами т.н. «Молодой Германии».⁴⁴ С этой группой состоит в тесной связи и молодой Энгельс, по существу принявший в 1839 г. провозглашаемые ими идеи: «участие народа в управлении государством, то есть конституционность, далее, эмансипация евреев, уничтожение всякого религиозного принуждения, всякой дворянской аристократии и т. д.»⁴⁵

Ойзерман противоречиво оценивает политический облик «младогерманцев», в одном месте своей книги однозначно считает их либералами (даже Бёрне и Гейне рассматриваются им исключением лишь с прибавлением слов «разве только»),⁴⁶ в другом месте признаёт, что члены этой группы «проповедовали в своих произведениях республиканские и частью также сен-симонистские идеи, воспринятые под влиянием июльской революции во Франции».⁴⁷ Энгельса же как в период присоединения к «младогерманцам», так в период разрыва с ними Ойзерман, конечно, однозначно считает революционным демократом.

Ойзерман запутывается в этом противоречии потому, что не учитывает дифференцированность «Молодой Германии». Находившийся на «левом краю» Гейне на рубеже 30-х и 40-х гг. может считаться уже революционным демократом, Бёрне и наиболее близкий к нему Гуцков, которого Энгельс ценил больше всех среди действовавших в Германии и непосредственным сотрудником которого был как редактора «*Telegraph für Deutschland*», могут рассматриваться как представители особого немецкого радикализма,⁴⁸ в то время как остальные, Мунт, Винбарг, Кюне и Лаубэ, представляли внутри мелкобуржуазного радикального движения оттенки, «развивавшиеся» в сторону либерализма. Во второй половине 30-х годов, в результате усиления реакции, все они, за исключением Гуцкова, постепенно оставляют политику, погружаются в скептицизм и потому не в состоянии идти в ногу с оживившимся на рубеже 30-х и 40-х гг. политическим оппозиционным движением, в центре кото-

рого стояла либеральная буржуазия. В это время их место в литературе и публицистике заняли младогегельянские философы.

Для понимания политического содержания младогегельянского движения и позиции Маркса в этом движении также необходимо придерживаться дифференциального подхода. Тем более, что в различных работах мы встречаемся с противоречащими друг другу оценками и по этому вопросу. Корню обычно прикладывает к левым гегельянкам, «превратившим гегелевскую философию в боевое оружие либерализма»,⁴⁹ определение «либеральные».

Ойзерман, приняв оценку, данную Энгельсом в 1886 г.,⁵⁰ характеризует это направление как «Философскую теорию немецкого буржуазного радикализма».⁵¹ Однако, как мы уже отмечали, он не анализирует ни понятие радикализма, ни своеобразие его немецкого варианта. Он же обращает внимание на то, какие крайности встречаются в специальной литературе в оценке младогегельянского движения: некоторые учёные безоговорочно считают его революционным, другие же «подчёркивают несоответствие между младогегельянской теорией и их политической практикой, доказывая, что младогегельянство было враждебно революционной борьбе».⁵²

По мнению Ойзермана, «односторонность этих взаимоисключающих оценок младогегельянства заключается в том, что они недостаточно учитывают изменявшееся социальное содержание этого движения».⁵³ Но из текста не выяснилось, что он понимает под «социальным содержанием». Правда, вслед за Корню, он ссылается на «наличие в левогегельянском движении, несмотря на общую всем его представителям философскую платформу, существенно отличных друг от друга тенденций».⁵⁴ Так например, Э. Ганс связывал гегелевскую философию с политическими концепциями буржуазного радикализма, с одной стороны, и сенсимонизма — с другой; М. Гесс стремился философски истолковать и развить идеи утопического социализма и коммунизма; А. Руге выдвигал в первую очередь политические вопросы; Фейербах критиковал религию с позиции антропологического материализма и т.д. Однако эти «тенденции», по нашему мнению, лишь по форме отличались друг от друга и именно в отношении «социального содержания» выражали определённое единство, поскольку все эти оттенки — подобно младогерманскому движению — отражали интересы и политические настроения поздне-радикальной мелкой буржуазии. При этом внутри относительного единства действительно наблюдается необычайная дифференцированность движения. Но нужно не только видеть различия между воззрениями отдельных лиц, но и указать на изменения, произошедшие под влиянием разных внешних факторов во взглядах и политическом поведении одного и того же мыслителя, что определило динамически меняющийся облик всего движения.

Младогегельянское движение может быть названо более или менее единым только до 1840—41 г., пока в литературной деятельности его членов доминировала критика религии. Энгельс писал об этом периоде: «Но путь политики был тогда весьма тернистым, поэтому главная борьба

направлялась против религии». ⁵⁵ Серию нападок против религии открыла в 1835 г. книга Штрауса «Жизнь Иисуса», и в полемике вокруг этой книги слачиваются в более или менее единое движение «молодые» последователи Гегеля. По политическому содержанию эту эпоху (и в этом прав Корню) следует рассматривать скорее либеральным, чем радикальным. Корню даёт прекрасный анализ отношений между отдельными представителями движения и государством. ⁵⁶ Младогегельянцы, правда, уже отвергли консервативное политическое содержание гегелевской философии, прославление прусской сословной монархии, однако, идеализируя вслед за Гегелем государственное начало, они верили в историческую миссию прусского государства, которое, опираясь на традиции реформации и просвещения, призвано осуществить разумную свободу. Такие воззрения до 1839—40 г. характерны даже для наиболее политической личности, А. Руге.

В согласии с Гегелем младогегельянцы рассматривали историческое развитие процессом духовного происхождения, но если у Гегеля речь идёт о процессе самосознания абсолютной идеи, то его ученики кисляли центральным звеном человеческое самосознание, считая его средством преобразования действительности. Абсолютизируя свой теоретико-критический метод, они редуцировали свою практическую деятельность до критики религиозных догм и государственных учреждений. Эта теоретическая критика формулировалась во всё более резкой форме. Теоретический радикализм младогегельянцев усиливался в такой степени, в какой их произведения вызывали преследования прусской реакции.

В начале 40-х годов прошлого века в Пруссии сложилась своеобразная политическая ситуация. Вступивший в 1840 г. на трон Фридрих Вильгельм IV, стремившийся к воплощению т.н. христианского государства, как и следовало ожидать, немедленно выступил против младогегельянцев, нападающих на религию, одного за другим удалил их с университетских кафедр. С другой стороны, новый король с удовольствием красовался в роли либерального правителя. К определённым кажущимся уступкам его принудила и оживляющаяся оппозиционность буржуазии (особенно рейнской и кенигсбергской). Он даровал амнистию нескольким общественным деятелям, удалённым по политическим причинам, созвал сословные комиссии местных ландтагов (вместо требуемого буржуазией национального парламента), выпустил указ об изменении прежней строгой цензурной инструкции и т.д. ⁵⁷ Всё это, несмотря на то, что требования буржуазии не выходили за рамки либерализма, создало благоприятные условия для временного союза между либеральными предпринимателями и радикализирующимися младогегельянами, лучшим примером которого была начавшая выходить в январе 1842 г. «Рейнская газета», на страницах которой публикует свои первые работы и Маркс. Но этот союз оказался временным, больше того, в случае Бруно Бауэра и берлинских т.н. «Свободных» — недолговечным. К роли Маркса мы ещё вернёмся, теперь же необходимо сказать несколько слов о берлинцах. Агрессивное выступление правительства не повергло в уныние Бруно Бауэра и его товари-

щей, наоборот, усилило их боевитость, проявлявшуюся на словах революционность. В 1840 г. Б. Бауэр писал своему младшему брату Эдгару следующее: «Философия прежде была привязана к государству, и это единство, собственно говоря, забило её в кандалы тем, что покровительствовало, то есть наделило выгодами власти, но вместе с тем определила ей границы.⁵⁸ Теперь, когда её так безжалостно оковали, она вынуждена снять путы и прорвать препоны. Прометей в цепях был свободнее, чем когда свободно ходил среди людей и учил их приносить жертвы богам...⁵⁹ — Если науку проклинали и изгнали, она предоставлена самой себе. В ней никому нет нужды. Тем лучше. Так она чувствует себя освобождённой, и я сам тем *свободней*, чем больше служу этой проклятой. Я ещё никогда не чувствовал себя таким счастливым и *свободным*.» (Подчёркнуто мной — А. Д.)⁶⁰ По всей вероятности, это своеобразное толкование свободы стало общепринятым в берлинской группе младогегельянцев, т.н. клубе докторов (поэтому они начали называть себя свободными), с которыми Маркс до 1841 г., а Энгельс до 1842 г. находились в тесной связи и от которых позже постепенно отделились. Теоретическая критика берлинцев, направленная против всего существующего, подвергла нападению не только распоряжения правительства и реакции вообще, но и либерализм как политику «золотой середины». Таким образом, берлинцы теоретически преодолели либерализм, однако — поскольку в Берлине у них не было возможности для практической политической деятельности (которая принудила бы их принять во внимание реальное положение) — их критика становилась всё бессодержательнее и абстрактнее, а в их философии усилились изначально присутствовавшие в ней субъективно-идеалистические тенденции. Это «развитие» берлинской группы младогегельянцев, наблюдавшееся в 1841—42 гг., Корню обобщает следующим образом: «В этом городе, где господствовали двор и бюрократия, они не нашли, как Маркс в Кёльне, сильной и прогрессивной буржуазии, которая поддержала бы их борьбу. Они всю больше удалялись от политического движения, жили как бы на окраине общества, и их громко декларируемый радикализм всё чаще ограничивался одними словами. В теории они были гораздо смелее и решительнее, чем на деле, и чем менее они были способны действовать, тем сильнее опьянялись собственными словами и произведениями. Под предлогом духовного освобождения они вели несколько распущенную, божественную жизнь, любили ошеломить обывателей своим оригинальничанием и шумной проповедью атеизма. Они слишком увлеклись критической философией и мало-помалу превратили её в самоцель, в бесплодную и бесплодную игру, которая служила уже не столько действительному преобразованию государства и общества, сколько проповеди их собственной абсолютной свободы, отмечая в теории всё, что стояло на пути этой свободы. Поскольку критика, оторванная таким образом от действительности, могла найти удовлетворение лишь в вечном отрицании, они провозгласили высшим проявлением критической философии изменение как таковое, абсолютное отрицание, и поскольку они были склонны видеть в этой философии созидательный и регулирующий эле-

мент мироздания, им было легче всего убедить себя в том, что в их гениальных личностях воплотилась абсолютная идея.»⁶¹

Тот факт, что радикализирующаяся философия берлинских младогегельянцев не встретила с практическим движением масс, способствовал преувеличению роли самосознания, аристократическому противопоставлению «духа» и «бездуховной толпы».⁶² Их политическая беспомощность — исторически обобщимо — доказывает, что чисто критический образ мыслей, отрицание всего существующего при неучастии в практической деятельности не ведёт ни к каким ощутимым, конкретным результатам.

Другие младогегельянцы — здесь прежде всего нужно упомянуть имена Руге, Хервега, Маркса и позже Энгельса — искали выход ориентируясь в сторону практической политической деятельности, поэтому их союз с либеральной буржуазией оказался более прочным. Руге уже в начале 1841 г. в противовес концепции «свободы науки» Бауэра подчёркивал, что «наука без политической свободы — абсурд».⁶³ Редактируемая им газета «Hallische Jahrbücher» (позже, с июля 1841 г. — «Deutsche Jahrbücher») всё явственнее становилась форумом для младогегельянских статей, посвящённых практическим политическим вопросам.

В течение 1842 г. связь между Марксом и Руге всё больше укрепляется по мере их удаления от революционного фразёрства «Свободных». Когда с конца 1842 г. оппозиционность либеральных буржуа сокращается в результате усиления прусской реакции, оба они приходят к выводу, что Германии может помочь лишь радикально-демократическая революция. Таким образом, Руге приходит к революционному демократизму одновременно с Марксом.⁶⁴ В 1843 г. (после запрещения «Rheinische Zeitung» и «Deutsche Jahrbücher») они оставляют Пруссию и совместно подготавливают «Deutsche-Französische Jahrbücher» (появившийся весной 1844 г. в Париже), который становится блестящим достижением небольшой группы немецких революционных демократов. Некоторые произведения — например, марксово «Введение к критике гегелевской философии права» — уже вышли за рамки самого крайнего направления буржуазной демократии.

* * *

Философско-политическая позиция Маркса, отразившаяся в его докторской диссертации, написанной в 1839—40 гг. и защищённой в апреле 1841 г., а также в первых публикациях в «Рейнской газете», ещё была крайне далека от той решительной революционности, которая характеризовала его работы 1843 г. Пока же его революционность, как и у остальных младогегельянцев, была лишь теоретической, средством разумного преобразования действительности была философия, теоретическая критика. Правда, в отдельных пунктах Маркс уже в диссертации преодолевает философские взгляды младогегельянцев — например, в противовес абсолютизации самосознания он подчёркивает непрерывное взаимное влияние философии и действительности, а философию рас-

считает не как продукт мышления отдельных философов, а как коллективный продукт «народного духа» — однако это пока является лишь потенциальной возможностью дальнейшего развития как в философском, так и в политическом отношении. Как и остальные, он считает практику философии теоретической деятельностью: «Однако сама *практика философии теоретична*»,⁶⁵ — пишет он в своей диссертации.

Пока ещё важнейшие признаки революционного демократизма отсутствуют в его работах. Прометей, символизирующий философское кредо Маркса, олицетворял одинокого борца, готового на жертвы ради человечества, а не революционера, возглавляющего насильственное движение народных масс. Рамки настоящей статьи не позволяют подробно проанализировать диссертацию Маркса и его статей, появившихся в «Рейнской газете», поэтому мы коснёмся только вопросов, наиболее важных с точки зрения нашей темы.

Первые публицистические статьи Маркса о свободе печати, о связи между печатью и философией⁶⁶ были написаны ещё с «высоты принципов», с позиции общего, абстрактного гуманизма. Тон этих статей, их неумолимая логика и конкретно сформулированные требования — свобода, гражданское равенство, свобода печати, народное представительство, законность и т.д. — отражают более радикальную, чем у либеральной буржуазии, точку зрения.⁶⁷

Однако в отношении способа осуществления этих требований и массовой базы Маркс, как и большинство немецких радикалов, ещё был близок к позиции либералов (поетому и смог вступить с ними в союз, не идя против собственных принципов).

В этих статьях Маркс в соответствии со своим представлением об обществе — построенном согласно гегелевской иерархии — считал первостепенно важным удовлетворение потребностей, появляющихся в политической духовной сфере. «Народные массы» в то время ещё играют роль в его мышлении только в той степени, в какой способны принять «государственный дух», распространяемый через печать. Собственно говоря, борьба ведётся против держащих в плену сознание масс религиозных идей, «имеющих в глазах публики почти такую же ценность, как и система материальных потребностей».⁶⁸ Маркс тогда ещё не пришёл к пониманию роли материально-экономических интересов, больше того, определённо недооценивал их, считал их находящимися вне понятия сущности человека.⁶⁹ Борьба за преобразование действительности должна проявиться прежде всего в духовной форме: свободная печать «преображает материальную борьбу в духовную и идеализирует её грубую материальную форму».⁷⁰ Маркс, как это видно из его замечания о бельгийской революции, придаёт «первостепенное» значение революции «духа» и в революциях, уже известных истории.⁷¹ О принятии возможности решений сверху позволяет догадываться следующее замечание: «Правительственная власть может материализовать духовную революцию; материальная революция должна прежде всего одухотворить правительственную власть».⁷²

Поначалу у Маркса, как и у его собратьев по профессии, были определённые иллюзии и в связи с подвергнутыми, между прочим, резкой критике прусскими учреждениями, он ещё предполагал, что эти учреждения могут быть исправлены или приведены в соответствие с абстрактными понятиями о них сверху, при уважении общих интересов и законности. Надеяться на это дал право и «подъём 1840 г.», который «отчасти охватил государственные формы, пытаюсь влить в них содержание и жизнь...» «Пресса... обращалась поэтому неизменно к правительству, — писал Маркс в декабре 1842 г., оглядываясь на упомянутый период, — так как казалось, что речь шла ещё о самих формах, внутри которых свободно, открыто и веско могли бы быть высказаны правительству правомочная нравственная воля народа, его горячие желания, его нужды.»⁷³

На основании статей, написанных в первой половине 1842 г., ещё нельзя предположить, как это делает Ойзерман, что Маркс уже тогда, будто бы, пропагандировал необходимость идущей снизу вооружённой революционной борьбы народных масс. Правда, в статье «Дебаты о свободе печати», написанной в апреле 1842 г., мы встречаемся с заимствованной у Геродота цитатой, которая сама по себе, в отрыве от контекста может означать и требование насильственных акций: «Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил ещё ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил её, то ты советовал бы нам сражаться за неё не только копьями, но и топорами.»⁷⁴

Ойзерман толкует эту цитату следующим образом: «Народ, говорит Маркс, должен сражаться за свободу всеми имеющимися в его распоряжении средствами, не только копьями, но и топорами.»⁷⁵ Маркс ответил этой цитатой из Геродота защитникам «мягкой цензуры», и, принимая во внимание логику текста статьи, речь здесь идёт скорее о теоретической последовательности, а не о революционных методах и, особенно, не о борьбе народных масс.

То, насколько Маркс в то время ещё отводит большее место идеям по сравнению с реальным практическим движением, доказывает также и его статья, в которой он впервые говорит о коммунистических идеях, которые, между прочим, ещё полностью отвергаются им; он «не признаёт даже теоретической реальности» за этими идеями, не говоря уж об их практической осуществимости. Но их настоящую опасность Маркс всё же видит в их теоретическом изложении, поскольку «на практические опыты, если они будут массовыми, могут ответить пушками, как только они станут опасными, идеи же, которые овладевают нашей мыслью... это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им.»⁷⁶ Из этой цитаты видно, что вооружённое движение масс Маркс считал бесцельным, бессмысленным.

Материальные интересы беднейших слоёв народа Маркс впервые взял под защиту в октябре 1842 г. в статье по поводу дебатов о законе о краже леса. Правда, решение этой проблемы представлялось ему по-прежнему на почве существующего строя, в виде правового урегулиро-

вания, однако способ постановки вопроса и тот факт, что Маркс признал справедливыми особые интересы бедного класса общества (ибо до тех пор он отвергал все особые интересы с высоты абстрактных всеобще-человеческих интересов), означали важный поворот в сторону революционного демократизма. Наконец, в своей последней статье, в которой шла речь о нищенском положении мозельских виноградарей и которая, собственно говоря, привела к запрещению «Рейнской газеты», можно встретиться уже и с призывами к активной деятельности. И здесь появляется требование свободы печати, однако это уже не самоцель, а средство. Ведь даже «самого необразованного винодела» явно не удовлетворил бы сам по себе тот факт, что «принимают духовное участие в его бедствиях». Печать имела для него промежуточное значение, мозельские виноделы по существу ждали, как и Маркс, если судить по содержанию его статьи, что за словами последуют поступки: «...там, где все думают, а многие высказывают уже свои мысли вслух, кое-кто скоро *начнёт так же и действовать*»⁷⁷ (подчёркнуто мной — А. Д.).

Даже только в этой связи видно, как далеко продвинулся Маркс едва за один год. Теперь он уже считает недостаточным теоретическую критику: мышление и речь, он приходит к выводу о необходимости реальной практики, действия.

Подобную тенденцию радикализации можно наблюдать и при более подробном рассмотрении изменения содержания понятия «критика» в работах Маркса того времени. В первых статьях, как об этом уже говорилось, Маркс считал правомерной и справедливой исключительно теоретическую критику, функционирующую в качестве философской практики, которой, в отличие от цензуры, необходимо быть надпартийной,⁷⁸ Мерилом критики тогда была ещё абстрактная разумность; отдельные, конкретные явления соотносились с, как правило, спекулятивными, трансцендентными понятиями (напр., всеобщей человеческой свободой, человеческой сущностью, абстрактным понятием государства и т.д.). Однако, в соответствии с принципами, сформулированными в диссертации, Маркс позволяет фактам действительности влиять на себя,⁷⁹ вследствие чего те политические и социальные проблемы (главным образом нищенское положение беднейших слоёв населения), с которыми он вынужден столкнуться в качестве редактора «Рейнской газеты», побуждают его ко всё более реальному учёту действительности и поиску настоящих решений этих проблем.

Летом 1842 г. чувствуется первая перемена в марксовом понимании критики: как бы отличая от прежней, он называет её «истинной критикой», которая анализирует не ответы, выдуманные индивидуумами на вершинах абстрактных идей, а вопросы. Таким образом, мерило истинной критики не абстрактная разумность, а конкретные факты общественно-политической действительности, «вопросы времени». «Всякий вопрос, выдвигаемый временем, — пишет Маркс, — имеет общую судьбу со всяким вопросом, который является по своему содержанию правомерным и, следовательно, разумным: основная трудность здесь не *ответ*, а *вопрос*. Поэтому истинная критика анализирует не ответы, а вопросы.

Подобно тому как решение алгебраического уравнения уже дано, лишь только задача поставлена в своих наиболее чистых и чётких соотношениях, — так и каждый вопрос получает ответ, лишь только он становится *действительным* вопросом.»⁸⁰

В 1843 г. при подготовке «Deutsch-französische Jahrbücher» в письме к Руге Маркс ещё более радикально формулирует задачу критики: «Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело, то тем определённое мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: *эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрезающими*»⁸¹ (подчёркнуто мной — А. Д.).

Отсюда уже лишь один шаг отделяет Маркса от известной формулировки о необходимости «критики оружием»: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»,⁸² — это уже было написано в начале 1844 г. под влиянием парижских впечатлений, с позиции пролетариата.

Думается, даже этот краткий обзор доказывает, что на начальной стадии участия в младегелевском движении Маркс ещё не может считаться революционным демократом. Правда, в некоторых пунктах он идёт дальше взглядов своих товарищей по движению, однако в их воззрениях поначалу больше связующих, чем разделяющих элементов. Это особенно относится к их политической позиции. Их удаление друг от друга (здесь, конечно, речь идёт только о берлинской группе) проходит постепенно и в результате двойной тенденции. С одной стороны, берлинцы, как мы уже говорили, «развивались» в сторону пустых абстракций, субъективного идеализма, кокетничали и с современными им коммунистическими идеями,⁸³ в крайне поверхностной форме критиковали либерализм — всё это создавало видимость того, что их произведения более радикальны, чем работы Маркса, написанные с холодной последовательностью. С другой стороны, Маркс оказался лицом к лицу с конкретными социально-политическими проблемами, вынужден был принять во внимание реальное соотношение политических сил, особенно став редактором «Рейнской газеты».⁸⁴ Занятия политическими проблемами помогли Марксу и в поисках верного философского пути, в преодолении идеалистического мировоззрения. Сложившееся у него мнение о политике приблизило его к Руге и отделило, пока, от Фейербаха, с которым, как Маркс писал Руге, он был не согласен в том, что Фейербах «слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истинной».⁸⁵

При соприкосновении с практической политикой Маркс понимает, что в действительности даже непоследовательно проводимая в жизнь свобода дороже свободы, декларированной в сфере идей. Уже в статье

по поводу дебатов о свободе печати он вынужден признать (хотя и не соглашается с этим), что свобода печати, понимаемая как свобода ремесла, покоится на гораздо более реальной основе, чем «бессодержательные, туманные и расплывчатые рассуждения тех немецких либералов, которые думают, что, перенося свободу с твёрдой почвы действительности в звёздное небо воображения, они тем самым воздают ей честь.»⁸⁶ (Понятие «либеральный» в Германии того времени использовалось недифференцированно, для обозначения различных выражений оппозиционности, Маркс здесь, очевидно, имел в виду не практическую, а философскую оппозицию.) Марксово чувство политической реальности и научная совесть отдаляют его от революционного фразёрства⁸⁷ «Свободных» и сближает с либеральными реформерами, которые, как писал Маркс в августе 1842 г., «взяли на себя трудную задачу — завоевывать свободу ступень за ступенью, внутри конституционных рамок, в то время как мы, усевшись в удобное кресло абстракции, указываем им на их противоречия».⁸⁸

Однако осенью 1842 г. всё определённое формулируются и ожидания Маркса по отношению к либерализму, как это видно, например, из статьи «Ганноверская либеральная оппозиция»: «... *подлинный либерализм* (подчёркнуто мной — А. Д.) в Ганновере должен в будущем стремиться не к защите конституции 1833 г. и не к возвращению к конституции 1819 г. Он должен стремиться к совершенно новой государственной форме, соответствующей более глубокому, более развитому и *свободному* (подчёркнуто Марксом) народному сознанию.»⁸⁹

Но Марксу пришлось разочароваться. К концу 1842 г. становилось всё яснее, что *прусская буржуазия* не только не вышла за рамки закона, но оказалась непригодной даже для их соответствующего использования. Это понял и об этом писал Маркс в декабре 1842 г. в статье *о сословных комиссиях*. В этой статье он критиковал немецкую буржуазию за то, что вместо поворота против всей феодальной сословности она желала занять место в сословных рамках, требуя, чтобы в заново созданных сословных комиссиях, а также в Ландтаге «право сословного представительства было предоставлено не только земельной собственности», но и «промышленности» и «интеллигенции».⁹⁰ В этом пункте Маркс в противовес партикулярным сословным интересам, стремившимся повернуть вспять колесо истории, берёт под защиту основные учреждения тогдашнего прусского государства, как например, «округа, сельские общины, местные правительственные органы, провинциальные управления, военные части и т.д.»,⁹¹ потому что они созданы уже не по принципу сословности и указывают в сторону *администрации современного централизованного государства*.⁹²

Разрыв Маркса с либеральными реформаторами — тоже результат двойного процесса: с одной стороны, постепенно радикализируются общественно-политические воззрения Маркса, за счёт чего он всё больше отдаляется от либеральной позиции, с другой же стороны, всё явственнее становится непоследовательность либеральной буржуазии, которая любой ценой стремится к соглашению с существующим порядком, даже

тогда, когда выясняется (по крайней мере в глазах Маркса), что от этого нельзя ждать никакого реального прогресса. Окончательный разрыв произошёл из-за всё учащавшихся столкновений между «Рейнской газетой» и цензурой. Общеизвестно, что решающей причиной, приведшей к запрещению газеты, была статья (вернее задуманная серия статей), написанная Марксом о мозельских виноделах. Маркс даже не дождался дня вступления в силу запрета (1 апреля 1843 г.) и 17 марта 1843 г. вышел из состава редакции. Либеральные акционеры попробовали прошениями и более умеренным тоном продлить срок жизни газеты. Однако политическая эволюция Маркса уже прошла ту стадию, на которой он мог бы приспособиться к цензурным правилам.

Исследователи биографии Маркса, изучая период сотрудничества в «Рейнской газете», сталкиваются с вопросом: не слишком ли приспосабливался Маркс к цензурным условиям того времени, и, следовательно, реально ли отражаются в статьях его политические взгляды. Признавая, что цензура, несомненно, играла роль в выборе более завуалированных формулировок, однако надо видеть и то, что после издания в 1841 г. эдикта о цензуре временно наблюдалось некоторое смягчение цензурных условий; далее, что своеобразный философский язык ещё больше облегчил публикацию прогрессивных мыслей. Энгельс позднее так писал об этом: «Правда, тёмный философский язык, в который облекались эти идеи, затуманивал ум как автора, так и читателя, зато он заступал и цензорские очи, и потому писатели-«младогегельянцы» пользовались такой свободой печати, какой не знала ни одна из прочих отраслей литературы.»⁹³ В другой работе Энгельс писал о том, как «Рейнская газета» обходила цензуру, как всегда удавалось в конце концов поместить в ней действительно важные статьи: «Будь ещё десяток газет, обладавших мужеством «*Rheinische Zeitung*» ... цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 году.»⁹⁴

Если мы попытаемся, как это делают отдельные исследователи, объяснить более умеренный тон первых статей Маркса цензурой, то останется необъяснимым, почему именно в период более мягкой цензуры встречается меньше указаний на последовательную революционность, а к концу 1842 г., несмотря на всё ухудшавшиеся цензурные условия, содержание статей Маркса становилось всё более решительным и неприкрыто оппозиционным. Объяснение этого, по моему мнению, мы найдём лишь в том случае, если будем рассматривать политическое содержание статей в «Рейнской газете» не статично, если не будем стараться с самого начала увидеть в них единый революционно-демократический образ мыслей, а подойдём к политическим моментам как к части формирующейся, динамически изменяющейся, развивающейся идейной системы.

С точки зрения нашей темы стоит обратить внимание ещё на одно, совершенно не исследованное в специальной литературе явление, а именно: на тематическую очерёдность первых публицистических работ Маркса. Совсем не случайно, что из материалов совещаний шестого рейнского ландтага Маркс обработал в первую очередь дебаты о свободе

печати. Если бы с самого начала его целью являлась бы «революционно-демократическая защита интересов бедных слоёв народа», то он, наверняка, начал бы серию статей с дебатов о краже леса. Принципиальная возможность для этого была, ведь Маркс писал не репортажи с места событий, а работал на основании протоколов дебатов, прошедших почти год назад (23 мая—25 июля 1841 г.). В тогдашней системе ценностей Маркса, как мы видели, на первом месте стояло удовлетворение *духовных потребностей народа*, важным условием которого является свобода печати. По этому вопросу у Маркса уже до изложения дебатов имелось сложившееся мнение, «позитивный взгляд», об остальных же вопросах он желал писать лишь в качестве объективного наблюдателя, как бы возвысившись над низменными проблемами. Сам Маркс так писал об этом: «Мы начнём с «дебатов о свободе печати» и предварительно заметим, что при обсуждении этого вопроса мы будем иногда выступать как участники, высказывая наш собственный взгляд; в дальнейших же статьях мы будем следить за ходом прений и освещать его больше с точки зрения историка-наблюдателя.»⁹⁵ Однако предмет исследования как бы принудил Маркса занять «партийную»⁹⁶ позицию, что в данном случае означало пока ещё лишь то, что он встал на чью-то сторону, а именно — на сторону бедняков, собиравших хворост.

Всё это, может быть, в достаточной степени доказывает, что в период сотрудничества в «Рейнской газете» Маркс, начав с младогегельянско (характерно немецкого) теоретического радикализма, пройдя через союз с либеральной оппозицией, под влиянием практического политического опыта, полученного в ходе журналистской деятельности, постепенно становится воинственным революционным демократом, защитником интересов широких народных масс.

Правда, по многим отдельным вопросам Маркс шёл дальше как младогегельянцев, так и либеральных реформаторов уже в период сотрудничества с ними, но мы всё-таки не считаем достаточно обоснованным мнение, представители которого считают это сотрудничество лишь тактическим ходом со стороны Маркса. Так думает, например, Дьёрдь Бенце, писавший в статье «Мозес Гесс в истории философии»: «Его (Маркса — А. Д.) сотрудничество с младогегельянами носило такой же тактический характер, как и союз с либеральными реформаторами.»⁹⁷ В другом месте статьи автор пишет прямо о сдерживании теории: «В работах, предшествовавших «Введению», высшей ступенью диалектики были то, что теория *приспосабливалась* к имевшимся практическим силам прогресса, сдерживала себя, чтобы не оторваться от них.»⁹⁸ Всё это создаёт впечатление, что Маркс уже располагал зрелой теоретико-политической концепцией для преобразования действительности и лишь из тактических соображений поддерживал менее решительные, менее прогрессивные направления.

По моему мнению, налицо обратная связь: теория Маркса ещё не сложилась, находилась в стадии формирования, и он сам хорошо чувствовал это, поэтому и сознательно искал концепцию, наиболее адекватную его индивидуальности и действительности той эпохи. Поэтому он был

необычайно восприимчив по отношению ко всем идейным и политическим течениям, не присоединяясь, однако, ни к какому из них в полной мере. Таким образом, речь идёт не о тактическом приспособлении и особенно не о «сознательном сдерживании теории», а о поиске пути именно в интересах дальнейшего теоретического развития. Участие Маркса как в младогегельянском, так и в либеральном движении, по моему мнению, находится в существенной связи с его тогдашней, несколько текучей теоретико-политической концепцией.

Речь идёт о явлении, напоминающем ситуацию из жизни Гегеля: Гегель приспособлялся к существующим отношениям, Маркс — лишь к направлениям, представители которых вели борьбу в ограниченных масштабах и ограниченными средствами. Именно Маркс в своей диссертации показал, что приспособленчество Гегеля имело не психологические и не моральные корни, но было органически связано со всей его философией, имело «глубокие корни в недостаточности его принципа или недостаточном понимании своего принципа.»⁹

Совершенно другой смысл получит поддержка Марксом менее последовательных направлений позже, начиная с 1846—47 г., когда в основном сложились научная политическая теория и метод Маркса, объективно отвечавшие нуждам пролетариата. В то время тактическая поддержка основывалась на научном понимании реальных возможностей, а не коренилась в «недостаточности принципа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В процессе формирования теоретико-политических взглядов Маркса и Энгельса обнаруживается много сходных черт. Однако конкретный анализ начального периода деятельности Энгельса, показ особенностей и сходства потребовали бы (и заслуживали бы) особой работы. Поэтому в нашей статье мы упоминаем об Энгельсе только когда это кажется совершенно необходимым.

² Ойзерман, Т. И.: Формирование философии марксизма. М., 1974.; Менде, Г.: Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунизму. М., 1957.; O. Finger: Philosophie der Revolution. Berlin, 1975.; W. Schneider: Kurze Geschichte der Theorie des wissenschaftlichen Kommunismus. Berlin, 1982.; R. Merkel: Marx und Engels über Sozialismus und Kommunismus. Berlin, 1974.; Чагин, Б.: Создание и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма. Л., 1970.; W. Tuchscheerer Marx gazdaság-elméletének kialakulása (Формирование экономической теории Маркса). Kossuth, 1976.; Karl Marx. Életrajz (Карл Маркс. Биография). Kossuth, 1971.; Friedrich Engels. Életrajz (Фридрих Энгельс. Биография). Kossuth — Kárpáti, 1974.

³ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 41.

⁴ W. Schneider, op. cit., p. 51.

⁵ W. Tuchscheerer, op. cit., p. 39.

⁶ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 34.

⁷ Там же, с. 75—76.

⁸ Лапин, Н. И.: Молодой Маркс. М., 1976., с. 60.

⁹ Там же, с. 68.

¹⁰ A. Cornu.: Marx és Engels 1814—1815. Kossuth, 1968.

¹¹ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 176.

¹² Cornu, op. cit., pp. 12, 288, 367, 368, 370, 372, 375, 430, 434, 469, 509, 511.

¹³ Lukács, György: Utam Marxhoz II (Мой путь к Марксу). Magvető, 1971, pp. 211, 213, 226, 231, 234, 237, 238, 244, 246.

¹⁴ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 177.

¹⁵ Там же, с. 38.

¹⁶ Ágh, Attila: Marx doktori disszertációjának történetfilozófiai koncepciója (Историко-философская концепция докторской диссертации Маркса). — „Magyar Filozófiai Szemle”, 1967. 2, p. 237.; Ágh, A.: A marx történetfilozófia kialakulása (Формирование марксовской философии истории). Akadémiai Kiadó, 1975, p. 68.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цитирует: E. J. Hobsbawm. A forradalmak kora (1789–1848) (Эпоха революций (1789–1848)). Kossuth, 1964, p. 131.

¹⁹ Cornu, op. cit., p. 382 — Таможенный союз был создан в 1834 г. при участии 18 немецких государств. Австрия не была его членом, вследствие чего однозначно проявлялось прусское влияние. После образования Таможенного союза быстрыми темпами развивались промышленность и торговля. Оттеснение иностранной конкуренции обеспечило прусской буржуазии относительно широкий национальный рынок, тем самым значительно ускорилось развитие торговли и промышленности. (Данные об этом см.: Cornu, op. cit., p. 30.)

²⁰ См.: К. Маркс: Буржуазия и контрреволюция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 114.

²¹ К. Маркс: К еврейскому вопросу. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 400.

²² Hobsbawm, op. cit., p. 139 — Для читателя наших дней это различие не имеет особого значения. Однако на основании изучения политической литературы того времени можно установить, что замечание Гобсбаума указывает на исключительно важное расхождение. Значительная часть мыслителей-утопистов — исходя из недостаточности политических методов, применявшихся во зрелую французскую революцию, и созданного революцией политического равенства — стремилась к созданию социального равенства и социальной справедливости. Они резко противопоставляли политические и социальные перемены. Среди представителей направлений, отвергавших или недооценивавших средства политической борьбы, достойны упоминания англичанин Оуэн и француз Фурье, которые в этой связи могут рассматриваться предвестниками анархизма. Их антиполитичность и антигосударственность при посредничестве Прудона распространилась в рабочем движении XIX в. Революционные демократы, напротив, обычно придавали очень большое значение политическо-правовому равенству, т.н. буржуазно-демократическим свободам.

²³ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 41.

²⁴ Hobsbawm, op. cit., p. 289.

²⁵ Там же, p. 138.

²⁶ Стоит заметить, что с выражением «революционный демократизм» мы не встречаемся ни в теоретико-политической литературе той эпохи, ни в более поздних произведениях Маркса и Энгельса. Не употребляет это понятие и Меринг в биографии Маркса. Требуется дальнейшее исследование для выяснения того, когда появился этот термин в европейской политической литературе и как он распространился. По моему предположению, впервые это выражение употреблялось для общего обозначения прогрессивных русских мыслителей 40-х — 50-х гг. XIX века, а позже по этому образцу революционными демократами стали называть таких же последователей революционеров (в лексиконах под этим заголовком также чаще всего можно найти характеристику русских мыслителей). Тут мы имеем дело с такой — отнюдь не редкой в истории теории — ситуацией, когда название, наиболее адекватное содержанию того или иного явления, складывается не параллельно с появлением этого явления, а гораздо позже. В таких случаях, поскольку само выражение не даёт однозначного разъяснения, особенно важно высказать его содержание. Первым (или одним из первых), между прочим, Маркса и Энгельса назвал революционными демократами Ленин. В 1914 г. он писал в связи с периодом сотрудничества Маркса в «Рейнской газете»: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.» (Ленин, В. И.: Карл Маркс. ПСС, т. 26, с. 82.) Большинство авторов-марксистов без дальнейшего изучения перенимает эту оценку Ленина, не учитывая, что ранние работы Маркса и Энгельса находились в распоряжении Ленина в необычайно

ограниченном количестве, кроме того, он не имел возможности провести подробный анализ. В другом месте Ленин и сам подчёркивает, что «революционно-демократическое направление газеты («Рейнской газеты» — А. Д.) при редакторстве Маркса становилось всё определённое», то есть, в конце концов, радикализировалось, оставаясь на буржуазной почве.

²⁷ К. Маркс: Введение к критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 426 — 427.

²⁸ Ф. Энгельс: Революция и контрреволюция в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 24.

²⁹ Здесь мы заметим, что связь между немецким либерализмом и демократизмом была несколько неточно и неоднозначно сформулирована Аттилой Аг: «Либерализм, как идеология разрушения феодализма сверху, в результате этой отсталости немецкого развития ещё не отделился от демократизма, народной идеологии уничтожения феодализма снизу...» (подчёркнуто мной — А. Д.) (ор. cit., p. 68). Это определение — очевидно, вопреки намерению автора — создаёт впечатление, что в Германии исторически раньше сложилась «народная идеология уничтожения феодализма снизу» (радикальный демократизм), и из неё выделился затем либерализм. На самом деле, развитие происходило как раз в обратном порядке: оппозиционное движение буржуазии родилось в начале 30-х годов с либеральным оттенком, позже, увидев безрезультатность движения и недостатки идейной концепции, наиболее прогрессивные мыслители — как мы увидим позже — постепенно радикализировались.

³⁰ Своеобразное, противоречивое развитие немецкой мелкой буржуазии было подробно проанализировано Энгельсом. — Status quo в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 47 — 50; Революция и контрреволюция в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 10 — 11.

³¹ Очень хорошо отражается это положение в письме Маркса к А. Руге, написанном в сентябре 1843 г.: «Хотя не существует сомнений насчёт вопроса — «откуда?», но зато господствует большая путаница относительно вопроса: «куда?». Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признать себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 379.)

³² Восстание было подавлено. Вейдиг был арестован, мучения, которым он был подвергнут в тюрьме, довели его до самоубийства. Бюхнер бежал сначала в Страсбург, потом в Цюрих (где и умер в 1837 г.). Об их жизни и движении см. роман: Kasimir Edschmid, «Georg Büchner: Egy német forradalom története». Európa, 1982. (Георг Бюхнер: История одной немецкой революции.)

³³ Georg Büchner Művei. Európa, 1982, p. 247. (Сочинения Г. Бюхнера).

³⁴ «Как легко делают здесь люди свою карьеру! — писал Бёрне, — Это похоже на то, как если бы Гейне или Менцел или я были бы министрами.» Ludwig Börne: Párizsi Levelek. Kriterion Könyvkiadó, Bukarest, 1975, p. 46. (Парижские письма).

³⁵ «Хотя я не считаю республиканскую форму благотворной ни для Бельгии, ни для других стран нашего нервного континента, на немецкой границе она всё же дала бы много преимуществ: сделала бы несколько более гибким их абсолютизм.» Там же, p. 52.

³⁶ Там же, p. 56.

³⁷ Там же, p. 125.

³⁸ Там же, p. 219 — 223.

³⁹ Там же, p. 191.

⁴⁰ Heinrich Heine: Vallás és filozófia (Религия и философия). Magyar Helikon, 1967, p. 373.

⁴¹ Там же, p. 356.

⁴² Там же, p. 324.

⁴³ Цитирует: Pándi Pál: «Kisértetjárás» Magyarországon («Явление призраков» в Венгрии). I. köt. Magvető, 1972, p. 347.

⁴⁴ Не следует путать с носившей такое же название эмигрантской организацией, действовавшей в Швейцарии. Об этой последней см.: Tokodi Gyula — Niederhauser Emil: Németország története (История Германии). Akadémiai, 1972, p. 162.

- ⁴⁵ Az ifjú Engels levelei (Письма молодого Энгельса). Kossuth, 1970, p. 58–59.
- ⁴⁶ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 90.
- ⁴⁷ Там же, с. 169. Между прочим, сен-симонистские идеи совсем не выходят за рамки буржуазной демократии, даже в работах самого Сен-Симона, а особенно в интерпретации его последователей. В политическом отношении они отражают скорее либеральную, чем радикальную позицию. Не случайно, в буржуазных кругах среди домарксистских социалистических направлений именно это было наиболее известно, шире всего распространено, наиболее «пристойно» (достаточно сослаться на отца Маркса или на венгра Сечени).
- ⁴⁸ Пал Панди в цитированной книге считает либералом – наряду с другими – и Гуцкова. (Op. cit., p. 348–349).
- ⁴⁹ Cornu, op. cit., pp. 171, 204.
- ⁵⁰ Ф. Энгельс: Л. Фейербах и конец немецкой классической философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 280.
- ⁵¹ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., сс. 37, 126.
- ⁵² Там же, с. 39.
- ⁵³ Там же, с. 39.
- ⁵⁴ Там же, с. 39.
- ⁵⁵ Ф. Энгельс: Указ. соч. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 280.
- ⁵⁶ Cornu op. cit., p. 180–190.
- ⁵⁷ С критики этой цензурной инструкции Маркс начал свою публицистическую деятельность, однако публикацию не разрешили. Статья появилась лишь в 1843 г. в Швейцарии.
- ⁵⁸ В 30-х гг. XIX века гегелевская философия считалась официальной государственной философией. Главный покровитель гегельянцев, министр культов и просвещения Альтенштейн, назначил гегельянцев на самые важные кафедры университетов. Хотя разногласия между младогегельянами и правительством давали о себе знать уже в конце 30-х годов, по-настоящему они обострились в начале 40-х годов. Альтенштейн умер почти в одно время с Фридрихом Вильгельмом III, на его место новый король назначил реакционного Эйхорна. Младогегельянцы стали вдвойне опальными. На это ссылается Б. Бауэр в своём письме.
- ⁵⁹ Для младогегельянцев – в том числе и для Маркса – Прометей был символом противостояния богам, философа, служащего людям.
- ⁶⁰ Цитирует: Cornu, op. cit., p. 217.
- ⁶¹ Там же, p. 454.
- ⁶² Маркс и Энгельс позже (в 1844 г.) в «Святом семействе» подвергли эти взгляды уничтожающей критике.
- ⁶³ См.: Cornu, op. cit., p. 218.
- ⁶⁴ Революционным демократом считает Руге и Ласло Мольнар М. в сборнике документов под названием «Ifjúhegelianusok» («Младогегельянцы») (A filozófia időszerű kérdései. 1982, p. 55). Ойзерман – вслед за Мерингом – крайне недооценивает роль Руге в младогегельянском движении и до самого конца считает центральной фигурой Бруно Бауэра (указ. соч., с. 40). Аттила Аг, напротив, считает Б. Бауэра главным действующим лицом только до 1841 г., в т.н. период религиозной критики, в период же государственной критики – Руге. Это последнее мнение подтверждается письмом Маркса к Руге от 9-го июля 1842 г., в котором мы читаем: «Так как Вы находитесь в центре философских и теологических новостей, то я очень хотел бы узнать от Вас кое-что о теперешнем положении. Здесь, правда, видно движение часовой стрелки, но не видно движение минутной.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 365).
- ⁶⁵ К. Маркс: Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, с. 210.
- ⁶⁶ «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», «Дебаты о свободе печати», Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
- ⁶⁷ Это доказывает, кроме всего прочего, и письмо к Руге от 5 марта 1842 г., в котором Маркс пишет в связи с одной подготавливаемой работой: «Основное в ней – борьба против конституционной монархии, этого убожества, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает. Выражение *res publica* совершенно

- невозможно перевести на немецкий язык.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 356).
- ⁶⁸ Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 106.
- ⁶⁹ Чрезмерное подчёркивание материальных интересов он назвал «низменным материализмом». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 160.
- ⁷⁰ Дебаты о свободе печати. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 65.
- ⁷¹ Там же, с. 42.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 175.
- ⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 84.
- ⁷⁵ Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 127.
- ⁷⁶ Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, сс. 117, 118.
- ⁷⁷ Оправдание мозельского корреспондента. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 211.
- ⁷⁸ Дебаты о свободе печати. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 59 – 60.
- ⁷⁹ Маркс и конкретно указывал на это. В статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» он пишет о муках совести, «которые возникают, когда субъективные желания человека восстают против объективных воззрений его собственного ума.» (К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 118).
- ⁸⁰ Проблема централизации. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 40, с. 237.
- ⁸¹ Письмо Маркса А. Руге. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 379.
- ⁸² Введение к критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 422.
- ⁸³ В ноябре 1842 г. Маркс в связи со «Свободными» писал Руге следующее: «Я заявил, что считаю неуместным, даже безнравственным вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идёт об его обсуждении.» (К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 27, с. 369). В 1859 г. в предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс писал об этом так: «С другой стороны, в это время, когда благое желание «идти вперёд» во много раз превышало знание предмета, в «Rheinische Zeitung» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений.» (К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 13, с. 6).
- ⁸⁴ См. об этом письмо Маркса Д. Оппенгейму от 25 августа 1842 г. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 27, с. 366 – 368.
- ⁸⁵ Письмо Маркса А. Руге. 13 марта 1843 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 375. Мы не станем заниматься ролью Фейербаха и его «влиянием» на Маркса, тем более, что этой ролью в политической эволюции Маркса можно пренебречь. Новые исследования поставили под сомнение ту долгое время считавшуюся решающей роль, которую играл Фейербах в переходе Маркса к материализму, ведь выяснилось, что произведение, считавшееся важнейшим доказательством в этом отношении («Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом» – К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 28 – 29), принадлежит не Марксу, а является саморецензией Фейербаха (см. об этом: Ойзерман, Т. И.: Указ. соч., с. 142 – 144). Между прочим, анализ содержания произведений Маркса убедительно доказывает, что он нашёл в Фейербахе союзника тогда, когда его собственная имманентная философская эволюция под влиянием реальных общественно-политических отношений приводит в 1843 г. к принятию материалистических воззрений. (Подробнее см. цитированную книгу Антипы Аг, р. 58 – 163).
- ⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 1, с. 73.
- ⁸⁷ Работа, открыто показывавшая разногласия со «Свободными», появилась в «Рейнской газете» 29 ноября 1842 г. В ней Маркс выражает свою солидарность с Гервегом и Руге и безусловно осуждает поведение своих бывших друзей. МЕГА. I./I.

Frankfurt a. M. 1927. p. 309. На венгерском языке см.: «Magyar Filozófiai Szemle», 1969. 4., p. 675.

⁸⁸ Письмо Маркса Д. Оппенгейму. *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 27, с. 367.

⁸⁹ Ганноверская «либеральная оппозиция». *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 40, с. 247.

⁹⁰ Там же, с. 276.

⁹¹ Там же, с. 280.

⁹² Маркс и в других статьях занимается проблемой администрации. Обычно он берёт под защиту ту практику (то есть уже реальную действительность), которая отражала в Рейнской области достижения наполеоновской эпохи. Так например, в статье «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung» Маркс протестует против стремлений восстановить привилегии феодального дворянства путём введения различного порядка городской и сельской администрации (*К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 40, с. 248–255).

⁹³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 8, с. 17.

⁹⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 19, с. 105–106.

⁹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 1, с. 35.

⁹⁶ Ойзерман не делает различий и в этом отношении: по его мнению «одной из основных черт всех статей Маркса является их *последовательная* (подчёркнуто мной – А. Д.) партийность.» (Указ. соч., с. 129). На самом деле, в первых статьях о свободе печати – как мы видели – он требовал как раз внепартийности во имя общечеловеческих интересов.

⁹⁷ *Bence György: Moses Hess a filozófiatörténetben.* (Мозес Гесс в истории философии). – «Magyar Filozófiai Szemle». 1967, p. 70.

⁹⁸ Там же, p. 78.

⁹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*: Соч., т. 40, с. 209.